

Штрихи к портрету генерал-лейтенанта князя Б. В. Голицына (1769-1813)

Еще барон Н. Н. Врангель в своей большой работе «Иностранцы в России» писал, что влияние Англии на Россию в XVIII в. было очень незначительным. Русские люди мало заказывали свои портреты английским художникам и, кроме семьи графов Воронцовых, почти никто не изображался английскими мастерамиⁱ.

К этому «почти», безусловно, относится написанный в Риме в 1791 г. Хью-Дугласом Гамильтоном (1734—1808), шотландским художником, портрет князя Б. В. Голицына, равно, как и портрет его младшего брата, князя Д. В. Голицына. Портреты парные. Написаны пастелью, а не акварелью, как писал граф П. С. Шереметев в своей исторической хронике «Вяземы»ⁱⁱ. Размер портрета князя Бориса 25x19 (картон, пастель, овал), а князя Дмитрия — 24x19 (картон, пастель, овал). Портреты князей поступили в фонды Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 1937 г. из НКВД, от одного из следователей, который занимался коллекционированием изобразительных работ, изъятых из дворянских усадеб в провинцииⁱⁱⁱ.

Оба портрета открывают галерею исторических лиц — ярких представителей рода князей Голицыных. Если князю Д. В. Голицыну (1771—1844) как государственному и военному деятелю посвящено целое жизнеописание, принадлежащее перу военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, то князю Б. В. Голицыну (1769—1813) — отдельные главы хроники графа П. С. Шереметева «Вяземы». Князь Борис — главный герой этой книги.

Безусловно, оба брата принадлежали к тому историческому и культурному типу людей, которых принято называть «русскими иностранцами», «русскими европейцами». Люди, причастные к искусству, называют эти портреты «прелестными», подчеркивая благородный облик князей, их элегантность, умение модно одеваться.

Портрет князя Бориса удался художнику больше, чем портрет князя Дмитрия. Перед нами — натура в высшей степени сложная и крайне интересная. Н. Лернер, например, отмечает «мальчишескую прелесть Бориса-Вестриса», его лицо «глубоко индивидуальное и исторически типичное»^{iv}. Костюмы, в которые они одеты, это костюмы последней четверти XVIII в., «революционные», с жилетом, со сложно завязанным галстуком (или шейным платком), высоким жабо, — словом, внешне перед нами молодые якобинцы. Их длинные волосы, прическа сохраняют следы «вчерашнего» парика, который только что отменила революция. «Кудри черные до плеч» изобличают в князе Борисе не столько вольнодумца, сколько страстного поклонника поэзии и личности Ф. Шиллера. Недаром на ум приходит восторженное письмо князя Бориса, посланное им из Парижа в 1786 г. немецкому поэту^v. Он подражал Шиллеру и внешне.

Два ярких высветленных пятна — красное и сине-зеленое — на спинках кресел, в которые усадил их английский художник, метафорически говорят о том роде военной деятельности, которой они себя посвятили: князь Борис — инфантерии (пехоте), князь Дмитрий — кавалерии (коннице).

Важная особенность портретной живописи конца XVIII в. состоит в том, что она иллюстративна. И эта иллюстративность ее проступает ярко, определенно, выразительно: она поясняет или дополняет какой-то позже написанный текст. В этом отношении портрет князя Бориса заставляет нас вспомнить облик юного Владимира Ленского; портрет как бы отсылает нас к этому пленительному образу и говорит нам, насколько тесно, внешне и внутренне, связан он с одним из персонажей пушкинского романа.

Молодые люди были свидетелями начала Великой Французской революции, значение которой по молодости лет они не могли осознать в полной мере. Если младший брат, князь Дмитрий, полувынужденно участвовал в штурме Бастилии, то старший находился в это время на курорте Бурбо-ле-бэн, где писал идиллию в прозе о сирени («Le Boskuet») и готовился к отъезду в Лондон к родителям и сестрам. Князь Борис, как поэт и человек, равнодушный к природе и ее красотам, оказался в местах, живописные виды которых вдохновляли его французскую музу. Свое «Предисловие» к «Заметкам об Эсфири», трагедии Ж. Расина, он сочиняет в прекрасном месте, деревеньке Исси, которую посещает и Н. М. Карамзин едва ли не в то же самое время, запечатливая свое пребывание в «Письмах русского путешественника».

«Вечер провел я также очень приятно в деревне Исси, в прекрасных садах Герцога Инфаншадоса и Принцессы Шиме. Тут есть несравненная аллея из древних, каштановых деревьев (лучше самой Тюльерийской), и в конце ее превеликий водоем. Вид с террас прелестен: замок Медон, Бельвю, Булонский лес, неизмеримая равнина, по которой течет Сена, и на краю горизонта Мон - Валерьен...»^{vi}

Известно, что князь Борис в годы пребывания во Франции, увлекаясь литературой и печатаясь во французских журналах наряду со знаменитостями, пытался еще свести дружбу и с литераторами Франции. Иногда это ему удавалось, иногда нет. История донесла до нас письмо князя Б. В. Голицына французскому поэту Анж-Франсуа Фарю^{vii}, известному под именем Сент-Анж (1747—1840), который протезировал князю Борису. Будучи уже солидным писателем (он был на двадцать два года старше князя Бориса), Сен-Анж был профессором Сорбонны, членом французской академии, переводил римских классиков, в частности Овидия, написал комедию «Школа отцов» (1778), в 1802 г. выпустил сборник своих поэтических творений под названием «Поэтическая смесь» («Melanges de poesie») и другие произведения, в частности сборники элегий.

То было время зарождения нового литературного направления, которое получило название сентиментализма. Родиной его была Великобритания, но во Франции английский сентиментализм нашел для себя самую благодатную среду. В 1761 г. Ж.-Ж. Руссо написал «Новую Элоизу». Роман Руссо показал, какую важную роль в новом литературном направлении играет сама природа, ее изображение и простой язык. У Руссо нашелся последователь и подражатель — Бернарден де Сен-Пьер, написавший не менее знаменитое произведение, а именно: роман «Павел и Виргиния» (1787), в котором действие происходит в тропиках Южной Африки. В письме князя Бориса к Сент-Анжу излагалась просьба, обращенная к Б. де Сен - Пьеру, дать ему аудиенцию.

Работая с сфере «легкой поэзии» («La Poesie fugitive»), как и князь Борис, Сент-Анж, безусловно, оказывал протекцию своему русскому собрату, вводя его во французские литературные салоны и знакомя с ведущими писателями Франции. Письмо князя Бориса проникнуто чувством предупредительной учтивости и вместе с тем скрытого уязвленного самолюбия, которое и заставляет его отказаться от встречи с Сен-Пьером.

В переводе с французского оно гласит:

«Посылая Вам, Сударь, письмо г-на де Сен-Пьера, которое оставило во мне только сожаления. Хотя он любезно соглашается уделить нам минуту завтра утром, дабы увидеть его, то, что он подает нам слабую надежду наслаждаться порой его обществом, заставило нас полагать, что лишь вежливость помешала ему отказать в визите, который мог бы его потревожить. От этого я не менее благодарен Вам, Сударь, за Вашу доброжелательность и г-ну де Сен - Пьеру за его любезность. Но я не считаю себя вправе воспользоваться ею. Я удовлетворюсь тем, что буду восхищаться им и часто читать его; и его собственные сочинения немного утешат меня, не знакомого с их автором. Примите уверения в моих лучших чувствах.

Четверг утром.

Князь Б. ..Гцн.

*Милостивому Государю
господину де Сент - Анжу
улица [?].*

Название улицы прочитать было невозможно — написано неразборчиво. Предполагаем, что письмо написано в 1789г., ибо нет уже обычной подписи «Pr. Baris de Galizin», а приводятся одни опорные согласные из предосторожности.

По возвращении в 1791 г. домой, в Россию, уже офицерами, братья становятся под знамена А. В. Суворова и принимают участие во взятии Праги, предместья Варшавы. Их военная карьера стремительно набирает высоту, они идут почти вровень и при Павле I становятся генералами.

«Московские ведомости» от 23 февраля 1803 г. сообщали, что в Москву из Санкт - Петербурга прибыли: «Г. Генерал-лейтенант, Орденского кирасирского полку Шеф, князь Голицын; Г. Генерал-лейтенант, Павловского гренадерского полку Шеф, князь Голицын, остановились оба в Басманной части».

В этой важной газетной информации уже заложена будущая путаница в определении того, кто является Голицыным 1-м, а кто Голицыным 2-м. В 1803 г. было ясно, что Голицын 1-й — это князь Д. В. Голицын, а Голицын 2-й — это сам князь Б. В. Голицын. Останавливаются они «в Басманной части», т. е. в доме князя Б. В. Голицына на Старой Басманной улице, где они будут принимать хорошо знакомую ему по Парижу французскую писательницу м-м де Сталь в июле 1812 г., а спустя некоторое время будет изнывать от ран, полученных в Бородинском сражении, вместе с полковником Манахтиным перед отправкой во Владимир, в госпиталь.

Надо заметить, что в Бородинском сражении участвовало более десяти человек, носивших фамилию Голицыных, и что в генеральском списке наши князья числились под другими номерами, а именно: князь Д.В. Голицын считался Голицыным 4-м, а другой князь Б.В. Голицын — 5-м^{viii}, но могло быть и наоборот*.

Исполняющий обязанности военного министра А.И. Горчаков, обращаясь к М.И. Голенищеву-Кутузову, писал: «Судя по действиям Князя Голицына 1-го в рекомендации Вашей Светлости означенному, я полагаю, что первым должен быть Князь Борис Володимирович, который ордена Св. Георгия 3-го класса, к коему Вы удостоили его, не имеет, а вторым, по мнению моему, есть Князь Дмитрий Володимирович, который имеет два ордена Св. Владимира 2-й степени и Св. Георгия 3-го класса. Есть ли заключение мое справедливо, то сему последнему назначенное Вами награждение должно быть переименовано».

В результате путем простой, механической перемены местами, на основании того, что Князь Д.В. Голицын уже имел орден Георгия 3-го класса, а князь Борис еще не получил, то было решено вместо ордена Владимира 2-й степени наградить князя Б.В. Голицына орденом Георгия 3-го класса.

Сложнее было с награждением за сражение при Бородине князя Д.В. Голицына. Сначала его представили к ордену Георгия 3-го класса, который у него уже был; потом вместо вышеназванного его представили к ордену Св. Владимира 2-й степени, который он тоже уже имел, и наконец, М. И. Кутузов в декабре 1812г. назначает ему Орден Св. Анны 1-й степени.

Осложнения с получением этого ордена появились с другой стороны, со стороны матери, княгини Н.П. Голицыной, и родных, которые расценили это награждение как умаление заслуг князя Д. В. Голицына в Бородинском сражении.

А.И. Горчаков, в должности управляющего военным министерством, писал М.И. Кутузову: «Не входя ни в какое суждение... но убежденный как матерью его Штат Дамую Княгинею Голициною, так и всеми его родными, обращаюсь к Вашей Светлости с изложением прискорбия его семейства, которое представление Ваше, Милостивый Государь, о ордене Св. Анны 1 класса, после тех знаков отличия, который он уже имеет, приемлет ими Вашим к нему неблаговолением, или что он в сей день не отличился столько, сколько по званию его предстояло ему случаем. То и другое, как собственно для него, так и для всех его родных прискорбно»^{ix}.

Так, князь Д.В. Голицын вынужден был отказаться от ордена Св. Анны 1-й степени, ибо был послушным сыном своей матери, которую чтит и обожал.

Следует добавить к сказанному, что существовал еще один Голицын под номером 2-й. Это был князь Борис Андреевич Голицын, тоже генерал-лейтенант (1766—1822), который на три года был старше князя Бориса и находился в отставке, ездил в Париж представляться первому консулу Франции — Наполеону Бонапарту, о чем в свое время сообщала французская официальная газета «Монитёр». В 1812 г. князь Б.А. Голицын возглавлял Владимирское ополчение. Он был близким другом П. И. Багратиона, который умер в его имении. Именно князь Борис Андреевич Голицын в книге «Списки Кавалерам Императорского Военного Ордена Св. великомученика и Победоносца Георгия за боевые отличия 26 ноября 1789 г. — 1 сентября 1870г.» (СПб., 1880) назывался Голицыным 2-м. Таким образом, первоначально князь Д.В.Голицын именовался 1-м, а князь Б.В.Голицын— 2-м. В генеральском списке они числились под номерами: Голицын 5-й (князь Д.В. Голицын) и Голицын 4-й (князь Б. В. Голицын). Князь Б.В. Голицын умер от ран, полученных на Бородинском поле, в январе 1813 г. На его надгробном саркофаге вылеплено только два ордена — Св. Георгия 4-го класса и Св. Анны 1-й степени. Орден Св. Георгия 3-го класса он так и не успел получить.

«Московские ведомости» (1813. № 11. 5 февр. С. 271) сообщали, что 13 января 1813г. Александром I в Иоганнисбурге был подписан следующий приказ: «Умерший от болезни Генерал-Лейтенант Князь Голицын 2-й исключается из списков».

Так под порядковым номером Голицын 2-й (или Голицын 4-й) уходил из жизни князь Б.В. Голицын.

«Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII и XX вв.» (М., 1996. Т. VII) опубликовал подробную роспись имен, фамилий, наград и биографий под рубрикой «Русские генералы в войнах с наполеоновской Францией в 1812-1815 гг.».

Статья о князе Б. В. Голицыне была написана автором этих строк и напечатана с дополнениями и поправками со стороны редакторов этого издания, которые внесли в текст некоторые не совсем выверенные, на наш взгляд, поправки. Так, под рубрикой «Награды» они перечисляют ордена и военные отличия, которыми был отмечен князь: «Орден Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 2-й ст., Св. Георгия 4-го класса; Мальтийский; золотая шпага "За храбрость"».

Мы уже указывали на тот факт, что орден Св. Владимира 2-й степени был заменен на орден Св. Георгия 3-го класса, который им так и не был получен. Не отмечена такая награда, как «Le scachat diamant», полученная в 1803 г. Очевидно, это вышитая на мундире с правой стороны звезда ордена Св. Анны 1-й степени.

В статье написано, что он воевал со шведами в 1790 г., а в 1812г. сражался не только под Смоленском и при Бородине, но и «под Гедеоновым» (следует писать «Гедеоновом» поскольку это не фамилия, а название населенного пункта).

Отметим, что в 1790 г. князь Б.В. Голицын вместе с братом находился во Франции и Италии. В письме к матери от 29 сентября 1812г. он пишет из Владимира, что ходит на костылях, чувствует себя лучше и сообщает: «Удовлетворением, которое я испытал в моей очень короткой военной карьере, служит то, что я участвовал в двух больших сражениях под Смоленском и в битве 26-го (Бородинская битва. — В.Ц.) и что с тех пор не было в ней ничего значительного...»^x

Нельзя было дополнять статью и строками о том, что он «остался 'в строю в течение кампании 1812 г.» Это не соответствует действительности, как написано выше.

В статье о князе Д. В. Голицыне говорится, что он вернулся в Россию в 1789 г. Это также досадная ошибка.

Князю Б.В. Голицыну с 1803 по 1813 гг. принадлежало имение «Вязёмы», Звенигородского уезда, Московской губернии, служившее для французов в 1812 г. важным стратегическим пунктом. По преданию, одну ночь во дворце князя Б. В. Голицына провел Наполеон.

Иногда приходится слышать, что у Наполеона не было времени, чтобы остановиться и иметь ночлег в замке русского князя. Посмотрим, как отражается этот факт во французских документах^{x1}.

1/13 сентября 1812 г. капитан Б. Кастеллан записал в дневнике: «Я сопровождал императора. Мы *остановились* через два с половиной лье в *жилище князя Голицына*, расположенном на берегу озера».

По словам А. Коленкура, в этот день главная квартира «находилась в красивом дворце в Малой Вязёме».

Секретарь личного кабинета императора А. Фэн писал, что *тот «провел ночь... между Никольским и Малыми Вязёмами, во дворце «Веговка», который, говорят, принадлежал князю Голицыну».*

Другой секретарь личного кабинета императора Э. Мунье писал жене, что 13-го «мы добрались до *красивого дворца*, принадлежащего князю Голицыну. *Мы провели там добрую часть вечера в красивом салоне вокруг камина».*

Капитан гвардии Л.Ф. Фантэн дез Одоар записал в дневнике 13 сентября: «Гвардия расположилась бивуаками возле одного прекрасного имения, принадлежащего князю Голицыну, одной из влиятельных особ Петербургского двора. *Император имел там ночлег».*

Затем последовали известные налеты Дорохова возле Перхушкова, и начальник генерального штаба Бертье сообщал начальнику кавалерии гвардии Бессьеру 10/22 сентября: «Император послал майора Летора с двумястами пятьюдесятью драгунами на дорогу в Можайск, *где мы ночевали*»; из другого письма мы узнаем, что Летор был послан

«в дом князя Голицына на Можайскую дорогу». Потом туда был послан генерал Сен-Сюльпис, и 14/26 сентября Бертье писал Бессьеру, что тот находится «в замке князя Голицына, где ночевал император».

Наконец, в письме Бертье принцу Евгению Богарне уже из Москвы, от 26 сентября 1812г., начальник Генерального штаба, по приказу императора, дает указание двигаться по большой дороге из Москвы к Можайску с тысячью кавалеристов, чтобы присоединиться к егерям, занимающим позицию на половине дороги от Москвы, в замке князя Голицына, в Вязёме (Bezowka), где ночевал император («ou à couché l'Empereur»).

Почти все перечисленные лица принадлежали к самому ближайшему окружению Наполеона. Имя в их донесениях и письмах могло называться по-разному: Bezowka (Бертье, Ж. Шамбрэ), Maloviazma (В. Кастеллан), Wurzewa (Ф. Рёдер), Wiasema (Х. Брандт), Wieschovo (Ф. Фролов). Наполеон называл это место Maly - Viazemka.

Можно не вникать в разночтения: речь идет в них все об одном и том же имении — Вязёме. Несмотря на то что некоторые приказы (всего два) императором написаны в деревне Борисовка 13 сентября 1812г., находившейся недалеко от Вязём, в двух верстах по Можайской дороге, за деревней Малые Вязёмы, трудно предположить, что он ночевал именно в этой деревне, в то время как его секретари и адъютанты пользовались всеми удобствами в прекрасном имении князя Б. В. Голицына.

Кстати, этими же удобствами пользовалась и русская армия, о чем свидетельствует в своих «Мемуарах» старший адъютант М. Б. Баркляя де Толли В. И. Левенштерн («воины смогли помыться, сменить белье и сапоги, их наконец хорошо покормили»).

В научном издании В. И. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» говорится: «Мюрат, миновав Перхушково, пошел дальше. Главная квартира императора из Татарки была перенесена в с. Вязёмы, имение князя Голицына, расположенное на берегу озера в одно лье, — записал вечером 13-го Кастеллан. — Это первый, действительно прекрасный дом и с большими службами, единственное настоящее шато, встретившееся после нашего вступления в Россию; солдаты авангарда, по своему обыкновению, немного все "перевернули", ткань на мебели они искромсали».

Сам Наполеон вместе с Бертье расположился, однако, не в Вязёмах. Два приказа, отданные им в тот же день Бертье, помечены деревней Борисовкой (Вошоука). Оттуда же написал 13-го в 9 вечера Бертье принцу Евгению, исковеркав, правда, «Борисовка» на «Bezovka...»^{xii}

Точка зрения В.Н. Земцова, согласно которой начальник Генерального штаба маршал Бертье якобы совершенно исковеркал название деревни «Борисовка» на «Bezovka», на мой взгляд, основана на недоразумении. Приказы Наполеона действительно были написаны в Борисовке, но ночевка императора была в Вязёмах, во дворце князя Б. В. Голицына.

Даже самый простой филологический анализ говорит о том, что имение получило свое наименование по названию реки Вязёмка, причем название имения состоит из трех слогов, а название деревни из четырех и совсем не соответствует французскому написанию, в котором основные опорные согласные почти одни и те же, что в русском. (Ср.: «Вязовка» — Вязёмка.)

Сначала вотчина Бориса Годунова, потом имение князей Голицыных называлось в разговорном просторечии по разному: село Вязёмо, Вязёма, Вязёмы, Вязёмка, т. е. название дано по реке, на которой село стоит. У французов название Бородинского сражения тоже дано по названию реки — «битва при Москве-реке». Река — важнейший природный объект, гидроним — носит знаковый характер. По своему происхождению, весьма древнему, название, которое русский народ связал со значением извилистости речки или тонкости, вязкости ее берегов... Наконец, устное предание тоже связывает ночлег Наполеона с домом князя Голицына. До 1917 г. в одном из залов дворца, называемом «Иностранной библиотекой», хранилась кушетка, на которой отдыхал император, а на камине стоял портрет Наполеона. Вообще говоря, в любой научной работе следовало бы указывать инициалы князей Голицыных, которых было так много, что в них запутались как секретари Наполеона, так и главнокомандующий русской армией, и управляющий военным министерством Российской империи (история награждения князей Голицыных за Бородинское сражение).

Быть логичным — это еще не значить быть справедливым в научном отношении. Жизнь всегда богаче, непредсказуемее наших представлений о ней. Не надо забывать, в каком

состоянии находились главнокомандующие: Кутузов в «зачумленном» состоянии, Наполеон в лихорадочном возбуждении, внешним выражением которого была болезнь организма. Какой вообще мог быть сон или отдых у людей, от которых зависели судьбы государств и народов! Один поспешно отступал, другому нисколько нельзя было задерживаться на пути к Москве!

Князь Б. В. Голицын, как человек и офицер новой формации, выдвинулся в эпоху Екатерины II, достойно служил в российской армии при Павле I и Александре I. Он прошел сложный, противоречивый путь от французского поэта и литератора, каковым он был в молодые годы, до «варягоросса», патриота, который умер как герой Отечественной войны 1812 года от ран, полученных в Бородинском сражении.

Все биографии и биографические словарные статьи, написанные П.Шереметевым, Н. Чулковым, П. Заборовым, М.В.Разумовской, Г.-Б. Гардером, великим князем Николаем Михайловичем и другими о князе Б. В. Голицыне говорят, что он был тяжело или серьезно ранен в Бородинском сражении, что вследствие ран, полученных на Бородинском поле, он умер и что кончина его состоялась 6 января 1813г.

Согласно архивным данным, письмам его родных, на самом деле князь Б. В. Голицын был *ранен легко и умер от болезни 7 января 1813 г.* (горячка), видимо, от воспаления легких, которое продолжалось 15 дней^{xiii}.

Необходимо заметить, что у князя Б. В. Голицына в молодости были слабые легкие, о чем он писал матери своей, княгине Н. П. Голицыной, из Италии в 1791 г., по которой он совершил вместе с младшим братом, князем Д. В. Голицыным, «образовательное путешествие». Живительный воздух и климат Италии шли ему на пользу, и он писал матери, что грудь у него перестала болеть. Поэтому мы предполагаем, что в Вильне он простудился и умер от воспаления легких (или от гриппа, который назывался «испанкой»).

Мать князя Н. П. Голицына все сделала для того, чтобы *героизировать смерть сына*: надгробный барельеф с изображением ее сына в профиль в одежде римского legionera, эпитафия, римский щит с оружием и, самое главное, надпись на саркофаге о том, что князь умер от ран, полученных в Бородинском сражении в день своего рождения, 6 января, — все это должно было свидетельствовать о мужестве и доблести ее сына, которому было «сладко и почетно умереть за Отечество», и что присущий мужеству почет выше всяких отличий и почестей, и что награда мужеству — бессмертие. Впрочем, это тема для отдельной статьи...

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Врангель Н. Иностранцы в России // Старые годы. 1911. Июль-сентябрь. С. 67.

ⁱⁱ Шереметев П. Вяземы. Пг., 1916. С. 123.

ⁱⁱⁱ Об этом сообщила автору Е. Б. Шарнова, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

М.Б. Бенедиктов, следователь НКВД, который был расстрелян в 1937 г., имел какое-то отношение к музейному фонду, отсюда им были взяты и присвоены портреты князей, а после конфискации поступили в 1937г. в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В 1985 г. родственники Бенедиктова обратились в администрацию музея с просьбой оплатить стоимость пастельных работ, что и было сделано.

^{iv} Н. Л. [Н. А. Лернер]. Среди книг и журналов // Столица и усадьба. Пг., 1916. № 68. 15 окт.

^v Цоффка В. В. Фридрих Шиллер и князь Б. В. Голицын // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 86-88.

^{vi} Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 274.

^{vii} ГАРФ. Рукописная коллекция Библиотеки Зимнего Дворца. Ф. 728. Оп. 1. Д. 544. Л. 1, 1-об.

^{viii} Там же. Ф. 29. Оп. 153-в. Д. 126 (Октябрь 1812. Московское Отделение Общего Архива Главного штаба). Док. № 644.26.

^{ix} Там же. Док. № 857. Л. 12446, 1245, 12456.

^x Шереметев П. Указ. соч. С. 165.

^{xi} См.: . Journal du marechal de Castellane. P., 1895. Vol. 1. P. 153; Fain A. Manuscrit de 1812. P., 1827. Vol.11. P. 49; Journal du general Fantin des Odoards. P., 1895. P. 330; Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Vol. 2. P. 109;. 109; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 134; Chuguet F. La Guerre de Russie. P., 1912. Vol. II. P. 72.

На карте в книге Фэна обозначены: «Malo-Wiazwa», а ближе к Москве «Berowka Ch(ate)au», где и

отмечена императорская квартира. Приказы Наполеона от 13 сентября были написаны в «Borisovka» (Согг . 19203, 19204); *Chuguet A. Ordes et apostilles de Napoleon. P., 1911. Уол. 2. P. 422.*; Шереметев писал, что в двух верстах от Вязём тогда находилась небольшая деревня Борисовка (*Шереметев П. Указ. соч. С. 163*); *РамА. Ор. сН. P. 178-180, 184-185*; *Fain A. Ор. cit. P. 178-180, 184-185*; *Chambray G. Ор. cit. P.159*; а также *Шереметев П. Указ. соч. С. 169*.

^{xii} *Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 442.*

^{xiii} См.: *РГВИА. Ф. 29: Отечественная война 1812-1813 гг. Оп. 153а. С. 49. Ч. 5. Док. № 3460-3499*; Московское Отделение Общего Архива Главного штаба. Док. № 0033, 0034; Рапорты Его Императорскому Величеству от генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова Смоленского и от Литовского военного губернатора генерала от инфантерии Римского-Корсакова о причине и обстоятельствах кончины князя Б. В. Голицына 2-го. Рапорты соответственно от 12 января 1812 г. (описка писаря, на самом деле от 1813 г. — *В. Ц.*) и от 9 января 1813 г.; один рапорт написан на основании другого.